

Национальная почва в мировоззрении Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова

Васильев А.А.

Аннотация: Статья посвящена изучению образа народной почвы в мировоззрении Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова. Автор показывает традиционализм мышления почвенников, раскрытие ими сакральных основ русской культуры - родной матери Земли. Почвенники предполагали, что европейски образованная русская интеллигенция должна соединиться с народной почвой - правдой.

Ключевые слова: Юриспруденция, почвенники, почва, народность, православие, самобытность, земля, патриотизм, консерватизм, интеллигенция

DOI: 10.7256/2306-1618.2013.4.2114

Почвенничество как идейное течение свое историческое место и наименование получило благодаря своему центральному постулату – народной почве. В журнале «Время» Ф.М. Достоевский отмечал: «Мы сознали необходимость соединения с нашей родной почвой, с народным началом, ибо мы не можем существовать без него: мы чувствуем, что истратили все наши силы в отдельной от народа жизни. Мы сознали, что идти дальше одним нельзя, что в помощь нашему дальнейшему развитию необходимы нам и все силы русского духа».

Само по себе слово «почва» рождает множество смыслов. Первое, что лежит на поверхности и бросается в глаза – это метафоричность слова «почва» и его естественнонаучное происхождение. В словарях русского языка почва определяется как земля, верхний, плодородный слой земли, а также как основа, база, начало, лежащие в основе чего-либо.

Так, в Словаре живого великорусского языка В.И. Даля в статье, посвященной слову почва, указывается: «почва, (от почивать, лежать?) поверхность земли, верхний слой ее, по качеству своему, или по возвышенью, уровню, как основание местного уровня, подошва»[1]. В другом словаре раскрывается два значения слова «почва»: «1. Верхний слой земной коры. Типы почв. Черноземная, глинистая п. 2. первн. Основа, основание; опора». Слово «беспочвенный» толкуется как «необоснованный, не подтвержденный фактами, доказательствами (например, беспочвенное обвинение)»[2].

Примечательно то, что в этимологических словарях происхождение слова «почва» связывают с подошвой, тем, на чем устойчиво стоит человек[3]. Без такой подошвы, опоры человек падает – теряет связь с почвой, землей. Почва дает жизнь всему живому, питает своими соками существование других организмов. Изъятие растения или иного живого организма из почвенного слоя приводит к их гибели, лишает их питания и соков, что неизбежно приводит их гибели. Поэтому перенесение слова «почва» в обиход писателей, философов, на наш взгляд, в немалой степени обусловлено его образностью и точным смысловым наполнением.

Вероятнее всего, использование термина «почва» из области наук о земле связано в обществоведении и литературе связано с несколькими причинами:

широким распространением в обществе естественнонаучных достижений и возрастанием роли естественных и технических наук;

влиянием в русском образованном обществе взглядов немецких философов и историков, в особенности Шеллинга и Гердера, которые культуру неразрывно связывали с природными и географическими условиями жизни и разрабатывали органический взгляд на человеческое общество;

и, наверное, главная причина заключается в том, что слово почва практически равнозначно слову земля, имеющему фундаментальное значение для русской ментальности (Матушка Земля), как и для духовной культуры большинства евразийских народов, занимавшихся земледелием. К примеру, в древнем праязыке многих народов Евразии санскрите почва или «бхух» является основанием духовной и физической жизни человека, укоренной в народном сознании. Причем у многих народов мира характерным является миф о происхождении человека из земли, глины, песка, показывающий глубокие корни человека в его родной земле.

В русской истории и хозяйстве земля – кормилица, жизненное пространство для человека, его физического и духовного существования. Не случайно преклонение русских людей перед землей, воспевание ее в мифологии, песнях, былинах (богини Макошь и Триглава, олицетворяющие плодородие и все земное окружение человека)[4].

Почва для земледельческого русского народа выражает его природную и естественную среду жизни, с которой он ощущает свое единство. Вместе с тем, почва – народный быт, духовно-нравственные традиции народа, живущего в рамках определенной культуры и природно-географической среды. В такой почве человек приобретает свою культурную идентификацию, связывает себя с определенным духовным коллективом. В этом смысле был прав Н.А. Бердяев, когда указывал на зависимость духовных основ русской цивилизации от природно-климатических условий России. Широта и необъятность русский просторов обуславливала широту души, отсутствия территориальных споров и как следствие проблемы индивидуализма, ухода народа от политики в форме колонизации северо-восточных земель и т.п. [5].

Категория «почва» вошла в широкое употребление среди писателей, мыслителей и критиков в первой половине XIX в., но окончательные очертания приобрела в мировоззрении почвенников. Хотя слова-образы «земля», «родная земля», «русская земля», издавна использовались русскими мыслителями для характеристики Родины, православной культуры, русской государственности. В «Повести временных лет» земля понимается в смысле среды обитания, территории. В цикле сказаний и песен «О гибели русской земли» XIII в. речь идет о Родине, самобытной русской государственности.

Земля для русского народа – кормилица, одушевленная природа, дарующая человеку не только еду и питье, сохраняя его материальные условия быта, но и

укрепляющая его дух, передающая традиции и заветы предков. Не случайны по этой причине высокие идеалы Родной Земли, Родины, Богородицы, Матери-Земли для патриотического сознания русского народа. Русская земля – духовно-культурный образ Родины, с которой русский человек неразрывно связан всеми своими душевными и физическими свойствами. Вне Родины человек теряет свое нравственное и социально значимое место в мире и постепенно разрушается.

Великолепно выразил извечную связь русского народа с землей Носов в своем детском романе «Незнайка на Луне». Пребывая долгое время на Луне Незнайка заболевает от ностальгии по Земле. Только вернувшись домой на Землю, Незнайка возвращается к жизни и первым делом бросается целовать свою родную землю.

Первые рациональные попытки вербально выразить существо образа «почвы» были предприняты в творчестве А.С. Пушкина, а позднее в любомудрии славянофилов. Славянофилы в качестве одной из центральных категорий использовали древние русские слова «земство», «земля» - народ, русская община, самостоятельные от государственной опеки.

Константин Аксаков отмечал: «Итак, русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе жизнь, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть общество христианское. Хотя слова эти не требуют доказательств, — ибо здесь достаточно одного пристального взгляда на русскую историю и на современный русский народ, — однако можно указать на некоторые особенно ярко выдающиеся черты. Такою чертою может служить древнее разделение всей России, в понимании русского человека, на государство и землю (правительство и народ), и оттуда явившееся выражение: государево и земское дело. Под государевым делом разумелось все дело управления государственным, и внешнего и внутреннего, и по преимуществу дело военное, как самое яркое выражение государственной силы...»[6].

Глубокое духовное содержание слова «почва» характерно не только для славянской мифологии и языческого мировоззрения. В христианстве земля и почва также приобретают сакральное значение. В Ветхом Завете в Книге Бытия раскрывается сотворение Богом мира и человека: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог. Что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в его лицо дыхание жизни, и стал человек душою живою».

Иными словами, христианство землю признает местом и условием для существования и развития жизни на Земле. В самом человеке, сотворенном из земного праха, заложена часть той земли, на которой он родился и впитал в себя ее соки. Человек неразрывно связан с почвой, как средой его жизни, так и социокультурной традицией, в которой он воспитывался. Человек мыслится как тесно связанный с землей. Не случайно,

что в Книге Исход и Царства заложены устремления древних евреев к поиску своей земли – пристанища в бренном мире. А еще более значимы для христиан мечты о земле обетованной – небесном царстве, в котором торжествует правда Божия.

Примечательно, что в философии почвенников соединились праславянские духовные образы с христианскими началами. В «Бесах» в уста одного из персонажей Марьи Лебядкиной Ф.М. Достоевский вложил идею о богодухотворенности всей природы и земли. В беседе с Шатовым Марья Лебядкина рассказала о своей беседе с игуменьей и старицей: «А по-моему, говорю, бог и природа есть все одно». А они мне все в один голос: «Вот на!»... А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица что есть, как мнишь? – Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого». – «Так говорит, богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том, что для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет, таково, говорит, есть пророчество». Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама плачу и целую»[7].

Примечательно, что образ «земли» актуализируется в кризисные эпохи, угрожающие существованию российской цивилизации: в эпоху противостояния русских земель татаро-монгольского нашествия; в эпоху Смутного Времени, грозившему России распаду и полонизации; в эпоху Отечественной Войны 1812 г. В XIX в. вопросы о родной земле и почве стали животрепещущими вследствие коренной модернизации социально-экономической системы России и постепенного углубления разрыва между европейски образованной интеллигенцией и народом, представленном преимущественно крестьянами и купечеством.

Поэтому рождение почвенничества далеко не случайно и обусловлено потерей высших слоев общества связи с родной землей, отчуждением интеллигенции от народных начал. Обособление в родной земле таких безродных, беспочвенных людей стало угрожать самой русской культуре, что и вызвало реакцию в виде течений русской мысли, искавших в русском народе спасения для России. Весьма близки в своих истоках к почвенникам течения народников, толстовцев и опрошенцев. Вместе с тем, между ними лежит глубокая пропасть. Народники видели самобытность России в русской крестьянской общине, но надеялись на революционный путь построения идеального социального устройства в России, что претило почвенникам. Опрошенцы ратовали всего лишь за приобщение интеллигенции к простоте народной веры и быта. Почвенники же, веря в высокий духовный потенциал народа, считали, что нужно не только учиться у народа, но и нести образование крестьянству и купечеству. Толстовство, проникнутое идеей истины народной веры без церкви, также призывало соединиться с простым народом. Однако, почвенники не мыслили русский народ вне церковного устройства, пусть и имеющего недостатки вследствие греховности человеческой природы. Но, только

народ, соединенный соборно в церкви – Теле Христовом, может спасти Россию от западного материализма и социализма.

Следует признать правоту А.В. Богданова, который «почву» в трактовке Достоевских, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, считает не рациональным понятием, а смыслообразом [8]. Действительно, почвенники, повинувшись своей теории органического познания, интуитивно раскрыли смысловые и символические образы почвы, сохраняемые в народной памяти. Сами по себе образ почвы не является в русском сознании рационально-понятийным и далеко не всегда осознается и полностью открывается. Но, вместе с тем образ почвы неизменно оказывается действенным и рождает соответствующие идеалы социальной жизни и подчиняет себе людей на уровне совестного акта. Несомненным для русского человека в минуты опасности для Родины является необходимость защиты родной земли вплоть до самопожертвования.

В творчестве братьев Достоевских, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова были отражены основные черты образа почвы в русском мировоззрении:

1. Народная почва выступает духовно-нравственным архетипом, квинтэссенцией сакральных смыслов культуры, заложенных в коллективном бессознательном общества. Национальная почва транслирует социокультурный опыт из поколения в поколение и содержит вечные и неизменные идеалы жизни народа. В силу чего, образ почвы подчеркивает мистическое единство природы и человека, когда земля одухотворяется и приобретает святое значение (образ Святой Руси – земли русской). Причем почвенниками было раскрыто тесное переплетение христианских и праславянских образов родной земли, что и нашло выражение в таких символах как Святая Русь – земля, в которой сохранилась истинная вера, мать сыра-земля, отождествляемая с Богородицей.

В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевский в уста старца Зосимы вложил вызывающую до сих пор споры в православной литературе споры речь о божественности природы: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью. Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойным оставляешь после себя – увы, почти всяк из нас!... Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным» [9].;

2. Народная почва предопределяется природно-климатическими, духовными и историческими условиями жизни общества и выражает предустановленный порядок мироздания в природном и человеческом измерении. Причем человек интегрирован в свою национально-культурную почву – цельный и нераздельный мир физический и духовный. Поэтому закономерно, что почва рождает уникальные цивилизации, в которых различаются духовно-нравственные идеалы общественного развития;

А.А. Григорьев в сфере искусства таким образом отмечал корреляцию между местностью и народностью: «Слово местность принято мною не в смысле материальной природы, но в смысле территории, с которой сжилась известное племя, известная раса. Причина, почему известное племя, известная раса сжились с известною территорией, заключается не в одних только случайных обстоятельствах. Забеглое, сбродное народонаселение великорусской Украины, например, более способно подчиниться природе, чем то предприимчивое племя, которое все далее и далее откидывалось каким-то ветром на север. Местность (в смысле территории), не играющая почти никакой роли для этого племени, имеет огромное значение в отношении к племенным элементам малорусской и великорусской Украины... Я сказал уже, что некоторого рода пантеистическое созерцание, созерцание подчиненное, тяготеет над отношениями к природе великорусской, но это подчиненное созерцание и сообщает им при переходе в творчество их особенную красоту и прелесть, дает

1) подметку тонких, почти неуловимых черт природы;

2) полнейшее, почти непосредственное слияние с нею и, наконец,

3) в Тютчеве, например, возводит их, эти отношения, до глубины философского созерцания, до одухотворения природы» [10].

Цельность мира и погружение человека в единство всей вселенной глубоко прочувствовал Н.Н. Страхов в своей книге «Мир как целое»: «Мир есть целое, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум.

Мир есть единое целое, то есть он не распадается на два, на три или вообще на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. Такое единство мира можно получить, не иначе как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа.

Мир есть связное целое, то есть все его части и явления находятся во взаимной зависимости. В нем нет ничего самобытного, никаких особых начал, никаких простых тел, никаких атомов; нет самостоятельных, от века различных сил, нет ничего неизменного, само по себе существующего. Все в зависимости и все течет, как говорил еще Гераклит.

Мир есть стройное целое, или, как говорят, - гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений. Мир, как организм, имеет части менее важные и более важные, высшие и низшие; и

отношение между этими частями таково, что они представляют гармонию, служат одни для других, образуют одно целое, в котором нет ничего ни лишнего, ни бесполезного.

Мир есть целое, имеющее центр, именно, он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Оно занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющее мир в одно целое; он есть главная сущность и главное явление и главный орган мира... мир как целое есть главная руководящая идея в исследовании природы, та мысль, к которой необходимо приводит правильный ход науки в каждом случае» [11].

3. Почва придает каждому человеку, выросшему на ней, культурную идентичность, связывает его с духовной жизнью народа. Человек, потерявший связь с почвой, разрывает единство со своей родной культурой. В итоге рождается отщепенец, скиталец в своем Родном отечестве;

4. Образ почвы сохраняется в нетленном виде в памяти простого народа – крестьянства и купечества, поскольку эти социальные слои в меньшей степени были подвергнуты влиянию западноевропейской образованности. Русская почва несет в себе неприкосновенные идеалы православной веры, соборности, смирения, сострадания, любви к людям, которые после усвоения европейской образованности утратила интеллигенция. В связи с этим, интеллигенция должна вернуться в лоно национальной почвы, прирасти к своим родным корням, и, насытившись соками своей земли, нести истину своего народа всему миру;

5. Словесное выражение, свою форму народная почва приобретает в виде народного предания – былин, песен, сказок, танцев, народного фольклора. Причем, свою задачу почвенники видели в раскрытии народных начал не с помощью умозрительных теорий, которые душат жизнь, а с помощью интуитивного проникновения в родную почву с помощью искусства.

Почвенные основы народного творчества А.А. Григорьев показал на примере песни: «Песня есть поэтически-музыкальное, или музыкально-поэтическое, целое, ибо, право, трудно решить, что в этом живом неделимом главное... Песня зарождается неизвестно когда и где, творится неизвестно кем, живет как растение, именно как растение, которое само прозябает на удобной почве. Случалось ли читателям обращать внимание на один самый обыкновенный, но вместе с тем поразительный факт? Пытались ли они узнавать, сколько самых разнообразных по текстам и по мотивам своим песен хранится, так сказать, в памяти всякого поющего простого человека или поющей простой женщины? Едва вероятно покажется им, если мы скажем: несколько тысяч, - а между тем, это так! Одна песня наводит на другую, одно слово в песне на третью и т.д.; мотивы, по-видимому, совершенно различные, льются, не сливаясь один с другим, отдельные и вместе связанные между собою общей растительной жизнью. Дело в том, что почва тут совершенно девственна, не тронута, не засеяна ничем таким, что мешало бы естественному произрастанию органического продукта. Теперь спрашивается, какого

труда стоит нам, уже оторвавшимся от почвы людям, запомнить весьма небольшое количество народных текстов и мотивов... Песня – не только растение: песня – самая почва, на которую ложится слой за слоем; снимая слои и посредством сличения вариантов, можно иногда добраться до первого слоя» [12].

Иными словами, в народном творчестве представлены почвенные, незамутненные европейской философией и литературой русские ценности и традиции. Песни, сказки, танцы, былины, поговорки и пословицы раскрывают непосредственное, цельное мировоззрение народа. А русская философия в этом плане страдает беспочвенностью или как говорил Ф.М. Достоевский «лакейством мысли».

б. Будучи детищем бессознательной жизни народа, народная почва не всегда целиком и полностью осознается и вербализируется. Выработанные народной жизнью устойчивые идеалы и ценности открываются лишь в акте мистической интуиции, погружения человеческого сознания в глубины народной памяти. Человек, действуя по наитию, не всегда дает себе отчет в актуализации в его сознании древних слоев народной памяти. Только в полной отдаче себя вере и любви к людям и родной почве человеку открывается божественная истина и на него спускается благодать, определяющая его смысл жизни.

В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевский очень точно передал такой акт единства человека с родной землей и слияния с народной памятью, когда сознанию приоткрываются святые образы и божественная красота. Алеша Карамазов, упавший духом после того, как тела старца Зосимы стало после его смерти тлеть, в соединении с своей родной почвой открывает для себя замысел Божий и определяет свое предназначение в мире: «Алеша не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои...» - прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился исступления сего». Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а «за меня и другие просят», - прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его –

и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», - говорил он потом с твердой верой в слова свои»[13].

7. В народной почве России заложена идея христианской веры, цельности жизни и мировоззрения, а также сама история и промысел Божий в русское сознание внесли всемирную отзывчивость вплоть до самоотречения ради преобразования цивилизации, находящейся на грани духовной катастрофы, на началах православной веры. Интеллигенция должна приобщиться в духовным ценностям русского крестьянства и купечества, соединиться с ними в соборном единстве и вместе с ними нести святую истину всему человечеству – любви и сострадания к ближнему.

Причем почвенникам чужды высокомерные взгляды западников и социалистов о косности и разврате русского простонародья. Напротив, в простой русской почве они видели святые образцы подвижничества, страданий за веру, геройских поступков на благо отечества, которые должны быть восприняты интеллигенцией, так надменно отзывающейся о варварстве крестьянства, не знающего грамоту и догматов того, во что они верят. Не в знании, а в вере, святости духовных идеалов русского народа кроется его высокая нравственная сила, из которой следует черпать жизненные соки.

В своем рассказе о годах юности Ф.М. Достоевский повествует о мужике Марее, которого он вспомнил будучи на каторге, видя безобразия и грех в каторжных. И в них, каторжных, писатель увидел человеческие черты, не истлевшие после совершения преступления и тех лет, которые они провели в жестоких и бесчеловечных условиях.

Федор Михайлович писал: «Во все мои четыре года каторги я вспоминал непрерывно все мое прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова. Эти воспоминания вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом мало-помалу вырастало в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление... На этот раз мне вдруг припомнилось почему-то одно незаметное мгновение из моего детства, когда мне было всего девять лет от роду, - мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое; но я особенно любил тогда воспоминания из самого первого моего детства. Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный; лето на исходе, и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню. Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск – так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой рощи. И вот я забился гуще в кусты и слышу, как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик. Я знаю, что он пашет круто в гору и лошадь идет трудно, а до меня изредка долетает его окрик: «Ну-ну!» почти всех наших мужиков знаю, но не знаю, который это теперь пашет, да мне и все равно, я весь погружен в мое дело, я тоже занят: я выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать им лягушек; хлысты из орешника так красивы и так непрочны, куда против березовых... Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: «Волк бежит!» Я

вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика.

Это был наш Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его все звали Мареем, - мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде. Я знал его, но до того никогда почти не случилось мне заговорить с ним. Он даже остановил кобыленку, слышав крик мой, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другой за его рукав, то он разглядел мой испуг.

- Волк бежит! – прокричал я, задыхаясь.

Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновение почти мне не поверив.

- Где волк?

- Закричал... Кто-то кричал сейчас: «Волк бежит!»... - пролепетал я.

- Что ты, что ты, какой волк, померещилось; вишь! Какому тут волку быть! – бормотал он, ободряя меня, но я весь трясся и еще крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

- Ишь ведь испужался, ай-ай! – качал он головой. – Полно, родной. Ишь малец, ай!

Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

- Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись. – Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ.

- Ишь ведь, ай, - улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой, - Господи, да что это, ишь ведь, ай, ай!

Я понял наконец, что волка нет и что мне крик: «волк бежит», померещился. Крик был, впрочем, такой ясный и отчетливый, но такие крики (не об одних волках) мне уже раз или два и прежде мерещились, и я знал про то.

- Ну, я пойду, - сказал я, вопросительно и робко смотря на него.

- Ну и ступай, а я те вослед посмотрю. Уж я тебя волку не дам! – прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь, - ну, Христос с тобой, ну ступай, - и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился. Я пошел, оглядываясь назад почти каждые десять шагов. Марей, пока я шел, все стоял с своей кобыленкой и смотрел мне вслед, каждый раз кивая мне головой, когда я оглядывался...

Все это мне разом припомнилось, не знаю почему, но с удивительной точностью в подробностях. Я вдруг очнулся и присел на нарах и, помню застал на лице моем тихую улыбку воспоминания. С минуты еще я продолжал припоминать...

Значит, залегла же эта встреча в душе моей неприметно, сама собой и без воли моей, и вдруг припомнилась тогда, когда надо было; припомнилась эта нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика, его кресты, его покачиванье головой: «Ишь ведь, испужался малец!» И особенно этот толстый его, запачканный в земле палец, которым он тихо и с робкою нежностью прикоснулся к вздрагивавшим губам моим. Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлую любовью взглядом, а кто его заставлял? Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барчонок; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не наградил за то. Любил он, что ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверки невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего? (курсив мой – А.А.)

И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце»[14].

Образ почвы в мировоззрении Достоевских, Григорьева и Страхова не имеет ничего общего с естественнонаучными представлениями ученых, которые придают ей роль места обитания, среды жизни всех организмов. Скорее почвенники «землю», «почву» определяли как национально-культурные святыне ценности и идеалы, пронизывающие жизнь отдельных этносов. Вместе с тем, почва как культурное явление имеет параллельные законы развития с естественной, природной средой: органичность, стихийность, естественность развития общественных институтов, духовных образов и природных организмов и систем. А.А. Григорьев отмечал: «Термином «допотопный талант», «талант допотопной формации», как и множество других терминов – часто действительно неудачных, но принимаемых мною как первые хватки, за недостатком лучших и за несостоятельностью (в отношении ко моей мысли) старых, - я ничего не искал и не ищу, как указать на тождество законов органического творчества в параллельных явлениях мира психического (духовного) и соматического (материального)»[15]. Конечно, при этом почвенники не отрицали влияния природных условий на духовную жизнь русского народа.

Образ народной почвы с неизбежностью предполагает ряд до сих пор не потерявших своего значения постулатов для социальной философии, государственоведения и юриспруденции.

Во-первых, из народной почвы, слоев национальной памяти органически вырастают социальные, политические, экономические и правовые институты. Так, православные идеалы в области экономики представлены хозяйствованием по нравственным правилам – не конкуренцией и погоней за прибылью, а совместным и тяжелым трудом для обеспечения материальных потребностей всех слоев общества, о чем блестяще писал И. Посошков.

Во-вторых, перенесение чужих форм жизни, расходящихся с национальной почвой, заведомо бесперспективно и приведет к их мутации или гибели. Так, до сих пор в России не приживаются демократические институты и западные формы политической деятельности. В области права идеи правовой государственности наталкиваются на устоявшиеся идеалы жизни по правде, совести, а не по закону.

В-третьих, какие-либо социальные эксперименты недопустимы, поскольку социальная жизнь развивается естественно и не всегда может быть рационально объяснима и спроектирована. Любой социальный проект грозит тяжелыми последствиями и не способен учесть действие бессознательных законов народной жизни.

В-четвертых, русская интеллигенция, постепенно терявшая корни в народной почве, должна вернуться к традициям русской культуры, прекратив неустанные попытки трансформировать Россию по западноевропейским образцам. Беспочвенность русских образованных кругов до сих пор угрожает сохранению России как самостоятельной и уникальной цивилизации. Только почвенническая интеллигенция способна превозмочь беды современной России и возродить те нравственные начала, которые заложены в русской народной культуре. Причем в европеизации интеллигенции почвенники увидели характерную для русского национального характера особенность – самоосуждение, самоотречение, в том числе от своих родных основ. Такое самоотречение позволяет быть русской интеллигенции действительно всемирно отзывчивой. Но, для выполнения своей национальной миссии по раскрытию православной истины всему человечеству русская элита должна искоренить в себе податливость европейской мысли, превозмочь притягательность западного гедонистического культа жизни.

Примечательно, что почвенники сознавали высокое значение интеллигенции в русской жизни и ее слабую защищенность от внешнего заимствования и подражания. Почвенники ощущали гибельность того пути русской истории, в котором элита полностью вырывается из народной почвы и превращается в опасных революционеров и нигилистов. В элите России почвенники видели и силу, и постоянную угрозу для существования русской цивилизации. В народе же постоянны и живы традиции, пусть и загоняемые властью в глубокое подсознание. Интеллигенция же ежечасно находится перед искушением и соблазном, которому она часто предаются и нередко из высших идеалов. Однако, другого пути как соединения народа и элиты, воспитания почвеннического духа –

духа родной земли в интеллигенции, почвенники не видели и надеялись на то, что она найдет в себе силы преклониться перед многострадальной народной правдой. Интересно, как бы отнеслись почвенники к событиям революции и господства советской власти в России. Скорее всего, почвенники оценили бы эти печальные страницы русской истории как путь испытаний и великих страданий России, которые бы закалили ее для борьбы за царство правды. Ведь сами они не раз писали, что жизнь – это страдание, позволяющая человеку ощутить себя пути нравственного развития.

Призыв к преклонению перед народом Ф.М. Достоевский выразил в следующих словах: «Что лучше – мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом?» - вот что теперь все говорят, из тех, кто хоть капельку не лишен мысли в голове и заботы по общему делу в сердце. А потому и я отвечу искренно: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четыи-Минеи. Одним словом, мы должны склониться, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако же, все-таки русскими, в чем, впрочем, великая заслуга. Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non* (обязательно): чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой»[16].

Итак, образ почвы в исканиях братьев Достоевских, А.А. Григорьева, Н.Н. Стрехова отразил святые для России духовные традиции – православную веру, любовь к родной земле русской, устремленность к нравственному совершенствованию. Почвенники стали своего рода источником, в котором прорвалась бессознательная тяга русских образованных людей к родной жизни – стихии народного быта и веры. Задачу же русской интеллигенции почвенники связывали с возвратом к родной почве, преодоление преклонения перед европейской философией и наукой. Впитав в себя соки родной земли, русская духовная элита будет способна направить человечество к истинному христианскому братству и любви.

Библиография

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 –х тт. т. 3. – М., 1880-1882., С. 358.
2. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка. М.: Наука, 1992. С. 160, 624.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. Т.4. М., 2004. С. 160.
4. Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. – Саратов.: «Надежда», 1993. С. 80 – 83.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 95 – 104.
6. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т.1. М., 1861. С. 75.

7. Достоевский Ф.М. Бесы. – М.: АСТ, 2008, С. 133 – 134.
8. Богданов А.В. Политическая философия почвенничества./Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2002. С. 40 – 60.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 328 – 330.
10. Григорьев А.А. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1980. С. 128.
11. Страхов Н.Н. Мир как целое. – М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. С. 66 – 67.
12. Григорьев А.А. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1980. С. 124 – 125.
13. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 372 – 373.
14. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн.1.: Дневник писателя. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С. 212 – 215.
15. Григорьев А.А. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1980. С. 120.
16. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С. 209.
17. Гуляихин В.Н. Политика и патриотизм в современной России // NB: Проблемы общества и политики. - 2013. - 9. - С. 1 - 19. URL: http://www.enotabene.ru/pr/article_9121.html

References (transliterated)

1. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 –kh tt. t. 3. – М., 1880-1882., S. 358.
2. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. М.: Nauka, 1992. S. 160, 624.
3. Fasmer, M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4-kh tt. Т.4. М., 2004. S. 160.
4. Kaiserov A.S., Glinka G.A., Rybakov B.A. Mify drevnikh slavyan. Velesova kniga. – Saratov.: «Nadezhda», 1993. S. 80 – 83.
5. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. – М.: Izd-vo AST, 2004. S. 95 – 104.
6. Aksakov K. S. Polnoe sobranie sochinenii. Т.1. М., 1861. S. 75.
7. Dostoevskii F.M. Besy. – М.: AST, 2008, S. 133 – 134.

8. Bogdanov A.V. Politicheskaya filosofiya pochvennichestva./Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moskva, 2002. S. 40 – 60.
9. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy. – M.: Izd-vo Eksmo, 2003. S. 328 – 330.
10. Grigor'ev A.A. Kritika i estetika. – M.: Iskusstvo, 1980. S. 128.
11. Strakhov N.N. Mir kak tseloe. – M.: Airis-press: Airis-Didaktika, 2007. S. 66 – 67.
12. Grigor'ev A.A. Kritika i estetika. – M.: Iskusstvo, 1980. S. 124 – 125.
13. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy. – M.: Izd-vo Eksmo, 2003. S. 372 – 373.
14. Dostoevskii F.M. Sobranie sochinenii: v 9 t. T.9. V 2 kn. Kn.1.: Dnevnik pisatelya. – M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2004. S. 212 – 215.
15. Grigor'ev A.A. Kritika i estetika. – M.: Iskusstvo, 1980. S. 120.
16. Dostoevskii F.M. Sobranie sochinenii: v 9 t. T.9. V 2 kn. Kn.2.: Dnevnik pisatelya. – M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2004. S. 209.
17. Gulyaikhin V.N. Politika i patriotizm v sovremennoi Rossii // NB: Problemy obshchestva i politiki. - 2013. - 9. - C. 1 - 19. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_9121.html